

Комаровская Т.Е
Белорусский
госпедуниверситет
Минск

Проблема американской идентичности в политической мысли США и художественной литературе

В последней трети 20-го – начале 21-го веков проблема американской идентичности становится основной и для общественно-политической мысли США, и для ее культуры. Эта проблема, общая для всех стран западного мира, особенно актуальна для США, страны, изначально состоящей из эмигрантов и прирастающей своим населением в первую очередь за счет все новых волн эмиграции. Пожалуй, наиболее яркое проявление полярно противоположных мнений по этому вопросу представлено в книге Сэмюэля Хантингтона «Кто мы? Спорный вопрос Америки» и в реакции на эту книгу, содержащейся в докладе Роберта Микелсена: «Большой шаг вперед: Мы и Они».(1)

Проблема «Я» и «Другой» - одна из наиболее актуальных для современной культурологии. Рассматривается она и в экзистенциализме, и постмодернистами (Люкан). Трактовка ее в докладе Микелсена лишена упомянутых выше философских наполнений. Доклад ученого полемически заострен против книги профессора Хантингтона «Кто мы? Спорный вопрос Америки» Профессор Сэмюэль Хантингтон – фигура знаковая в американской науке и жизни последнего десятилетия. В 1997 году он выпустил книгу «Столкновение цивилизаций и передел современного миропорядка», в которой утверждал, что столкновение различных сил на мировой арене во второй половине 20 века является результатом столкновения не различных идеологий или религиозных течений, но цивилизаций. Эта теория сразу же получила широкое применение в различных областях гуманитарной науки США и, увы, доказала свою правоту после 11 сентября и других событий, происшедших как в США, так и во Франции, в ряде европейских стран недавно.

В своей новой книге «Кто мы» профессор Хантингтон отвергает понятие американской нации как нации, основанной на культурном плюрализме и идеологически сформированной гражданской культуре, служившее в течение последних 50 лет; устанавливает новые культурные нормативы для определения американской нации и разделяет нацию на тех, кто этим стандартам соответствует и тех, кто не соответствует. Делает он это по его собственным словам для поднятия патриотизма и национальной сплоченности после событий 11 сентября.

Профессор Миккелсен так определяет тему своего доклада: 1) рассмотреть спор об американской сущности (identity) в историческом ракурсе; 2) проследить этот спор в контексте взаимоотношений Америки с миром. Он напоминает, что европейское понятие нации, в основе которого кровное родство, общие ценности, общность языка, территории и религии для США не подходит. Страна была создана актом политической воли (Декларация Независимости) и посредством свода политических правил (Конституцией). Именно эти 2 документа дали идеологическое обоснование американской identity. С начала своего существования страна включала множество этнических групп с различными ценностными понятиями и языками. Ее территория постоянно расширялась. А гражданство получали все прибывающие в страну. Правда, с начала существования страны определение американской идентичности колебалось между двумя полюсами: эксклюзивная монокультура, с одной стороны, и мультикультурализм, с другой. И этот спор не был сугубо академическим. Ядро его составляла борьба за власть, за право делить нацию на «Нас» и «Их», на своих и чужаков.

Ксенофобия и лозунг 100% американизма достигли пика в 1917 году, после вступления США в Первую мировую войну. Тогда и был провозглашен лозунг главного, 100% американца – БАСП.

Идейная реакция последовала со стороны PIGS (юмористическое сокращение, имеющее в виду поляков, итальянцев, греков и славян, которых первое определение принижало в культурном и национальном аспектах. Они выдвинули лозунг культурного плюрализма как основы американской сущности. Америка виделась им как ассоциация равных этнических групп, удерживаемых в составе одного целого идеологическими нормами гражданского общества. В основе подобного союза лежит полное равенство. Что же касается идеологических норм, то они включали свободу, эгалитарность, индивидуализм, демократию и приоритет закона, определяемого конституцией. Именно это понятие американской идентичности официально было признано определяющим нацию после Второй мировой войны – и до настоящего времени. И сейчас профессор Хантингтон, пытаясь поднять патриотический дух американцев, снова выдвигает понятие монокультурной нации, американской нации, основанной на англо-протестантской культуре, главными элементами которой являются английский язык, христианство, религиозность, вера в протестантские ценности.

Основной вопрос книги Хантингтона «Кто мы?». По его мнению, американской идентичности угрожают не только «Они», чужаки, не соответствующие его определению американской идентичности, но и те «настоящие» американцы, которые теряют свою англо-протестантскую американскую идентичность в мире, так быстро становящимся глобализо-

ванным. И в книге Хантингтона подробно проанализированы три группы представителей национальной элиты, которые предают национальную американскую идентичность.

Профессор Миккелсен ставит подобное обвинение против интеллектуальной элиты страны в один ряд с реакционными преследованиями и обвинениями в антиамериканской деятельности времен маккартизма, и вспоминает другие периоды в жизни страны, отмеченные господством реакции. Но, предупреждает он, никогда еще страх перед внешним миром не определял до такой степени самоощущение нации.

В своем докладе профессор Миккелсен характеризует себя как либерала, интернационалиста, космополита, ученого, Демократа, американца, живущего за рубежом, и с этих своих позиций он отвергает парадигму национальной идентичности, предложенную профессором Хантингтоном, и предупреждает против нее как против идеологии оружия правых, реакции, которая неминуемо повлечет за собой ущемление демократических свобод. Он предупреждает против прогрессирующего изоляционизма внешней политики США. И завершает свой доклад словами: «Я верю, что взаимодействие культур может их взаимно обогатить и принести обоюдную пользу, и этот принцип справедлив как для мультикультурных обществ, так и в отношениях наций с различными культурными моделями».

Так, в очередной раз за 230-летнюю историю страны, происходит пересмотр понятия американской идентичности.

Поиск своей идентичности стал основной темой и лучших, наиболее значительных американских книг последних лет сорока, целых литературных течений: феминистской литературы, литературы национальных меньшинств (афро-американской, индейской, литературы чиканос, еврейской и других национальных групп), составляющих американский литературный пейзаж. В качестве примера можно привести неизвестную на нашем географическом пространстве книгу одного из выдающихся современных американских писателей, Филиппа Рота, представляющего американскую еврейскую литературу—“Counterlife” «Другая жизнь», «Противоположная жизнь»).

«Придумывая себе другой вариант жизни, человек создает свой собственный антимиф ...» (2,167). Эти слова из книги могли бы стать эпиграфом к ней. В основе композиции романа лежит чисто постмодернистский прием различных вариантов развития личностей и судеб его героев, двух братьев Натана и Генри Цукерманов, евреев, живущих в США. Первые две части романа посвящены трансформации младшего брата, Генри, человека, преуспевающего, казалось бы, во всем. К тридцати восьми годам он достиг прочного положения преуспевающего дантиста, у него хорошая жена, трое детей, прекрасные отношения с его окружением. Правда, первый сбой в его жизни, о котором он поведал только старшему брату, произо-

шел несколько лет назад: он встретил Марию, европейку, и влюбился в нее. Чувство это было сильным и взаимным, но когда Марии пришла пора возвращаться в Европу, Генри не сумел оставить семью. Расставшись с Марией, он перенес сильный стресс. Но через несколько лет он пережил новое любовное приключение – роман с ассистенткой-медсестрой, вылившийся в бешеный получасовой секс каждый вечер после окончания рабочего дня. Старший брат считает это его формой протеста против жизненной рутины, его формой самоутверждения. Кстати, подобную коллизию, секс как форма протеста против отупляющей и нивелирующей личность действительности, единственно возможного для героя, мы встречаем в произведениях многих американских писателей 60-80-х годов (Апдайк, Чивера, Стайрона и других). В 38 лет у Генри выявилась серьезная болезнь сердца. Лекарства помогли ему справиться с болезнью, но ценой потери потенции. Генри, потеряв таким образом, свою форму самоутверждения (в сексе) очень переживал и решился на серьезную операцию сердца. Далее повествуется о его похоронах. Первая часть книги называется «Базель», по названию швейцарского города, куда Генри мог бы уехать со своей возлюбленной Марией – его нереализованная возможность, несостоявшийся вариант его жизни.

Вторая часть книги, «Иудея», представляет другой вариант судьбы Генри, его противоположную жизнь. Генри пережил операцию, но после нее впал в тяжелую нервную депрессию, потерял смысл жизни. Случайная поездка в Израиль для восстановления здоровья помогла ему открыть его истинную идентичность и обрести смысл жизни. Посещение хедера заставило его понять: если что-то и было в его жизни настоящего, стоящего, так это то, что он еврей. «Я не просто еврей, я не один из евреев – я также глубоко Еврей, как и эти евреи. Все остальное ничего не значит.... В этом – основа моей жизни.» (2,68).

Итак, герой обретает свою идентичность. В первый раз он находит ее в свободном сексе, во второй – в своей национальной идентичности. Он становится радикальным сионистом, уезжает в Иудею, бросая жену и детей. Отныне для него «Я – ничто, Мы, Иудея,- все». Он попадает под влияние предводителя радикального течения сионизма, Липмана, о котором другой персонаж, Шуки, говорит, что от него несет фашизмом, вместе со своим кумиром поселяется в незаконном поселении на арабской территории и готов с оружием в руках отстаивать землю древней Иудеи, видя в служении еврейской государственности смысл жизни. Вторая часть книги называется «Иудея» - символ обретения героем своей идентичности

Сам автор, еврей Рот, не разделяет радикализм своего героя. Он доверяет выразить свою позицию Натану, своему alter ego в этом романе. Натан еще в юности считал, что наибольшей свободы еврей достигает в США: «... Я не могу представить себе иное историческое общество, которое достигло бы такого же уровня толерантности, законодательно закреп-

пленного в Америке, или которое поместило бы плюрализм прямо в центр своей публично признанной политической мечты». (2,60). Он считает, что в Соединенных Штатах еврей более свободен, и может быть не менее евреем, чем в Израиле. Тех же, по сути, убеждений он придерживается и через 18 лет, приехав в Израиль за братом, которого он надеется вернуть в Штаты. Его поддерживает его израильский друг Шуки, сын одного из ярых приверженцев израильской идеи, бывший депутат Кнессета, прошедший войны с арабами и потерявший в них брата. Шуки - идейный враг Липмана, он считает, что идея основания Израиля – не в том, чтобы воевать с Сирией и Дамаском. Он называет Израиль родиной еврейской ненормальности и говорит: «Мы здесь - зависимые евреи - от ваших денег, вашего лобби, от больших денежных дотаций от Дядюшки Сэма, в то время как вы – евреи, живущие интересной жизнью, комфортабельной жизнью, без извинений, без стыда и абсолютно независимо... Факт остается фактом: в диаспоре еврей вроде тебя живет спокойно, не испытывая страха от угрозы преследования или насилия, в то время как мы живем под страхом вечной угрозы нашим жизням, хотя приехали сюда, чтобы избавиться от этой угрозы навсегда... Это мы – вечно испуганные, живущие под страхом гетто еврейской диаспоры, а вы – евреи, уверенные в себе, наслаждающиеся достижениями культуры всем тем, что сопутствует жизни на родине». (2, 81-82). Очевидно, что, по мнению автора, доверяющего своим героям высказать свою собственную позицию, национальная идентичность евреев в США сводится к общеамериканской идентичности, растворяется в ней, и это обеспечивает подлинную свободу их жизни и самореализации.

Общим понятием, характеризующим современное состояние американской литературы, стало понятие «a patchwork quilt»-«лоскутное одеяло», подразумевающее отсутствие в литературе США общей идеи, ее объединяющей и выражающей. На наш взгляд, такая идея существует и состоит она в поиске самоидентичности, характерном как для литературы страны, так и для ее исторической науки, а, возможно, и других форм культуры.

1. ¹ Электронные материалы докладов, представленных на конференции EAAS 2006г.
2. Philip Roth. The Counterlife.- N.Y., 1987.

Kamarovskaya T.
Belarusian State Pedagogical
University

THE PROBLEM OF AMERICAN IDENTITY IN U.S. POLITICAL THOUGHT
AND FICTION.

Search for identity is the idea and the activity that sums up American intellectual life at present and the main streams of thought of its literature.

In the summer of 2004 Harvard Professor Samuel P. Huntington – author of the text and the term “Clash of Civilizations” – published a book in the United States entitled, *Who Are We? America's Great Debate*. In it he raises the issue of American identity in a manner that has caused a stir. Huntington put forward a single uniform cultural definition of American. In doing so, he rejected the mixture of cultural pluralism and ideological civic culture that has served as the dominant definition of American nationhood for the last five decades. In putting forward his case, he not only implicitly claims the right to set such a uniform cultural norm; he also implicitly divided the nation into those who fulfill the requirements of this standard – us - and those who do not - them. Professor Robert Mikkelsen, as a liberal, transnational, cosmopolitan, academic, a Democrat living abroad, views the United States as a culturally pluralistic nation made up of a variety of ethnic groups held together by a common civic culture and ideology. He believes that the interaction of cultures may be to their mutual advantage and profit – and that this is true both *within* multicultural societies as well as *between* societies and nations with different cultures.

The analysis of Philip Roth's novel “The Counterlife” given in the article is a vivid proof to this idea.